

Благопожелательные мотивы в научных статьях юбилейно-поздравительной направленности

Людмила Н. Виноградова

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия;

lnv36@yandex.ru

Мотив относится к числу наиболее сложных для изучения предметов филологического исследования <...> При этом данное понятие остается совершенно необходимым для фольклористов и вообще для исследователей традиционной словесности, обойтись без него не удастся ни при семантическом, ни при сюжетно-композиционном анализе [Неклюдов 2004, с. 236].

Как и всем филологам, имеющим дело с фольклорными текстами, мне часто приходилось в своих работах пользоваться понятием «мотив», и каждый раз я сталкивалась с трудностями точного определения этого чрезвычайно широко понимаемого в научной литературе многозначного термина. Успешнее всех выводили меня из этих затруднений теоретические работы С.Ю. Неклюдова, посвященные этому трудно уловимому, по-разному трактуемому понятию. Чрезвычайно широкий разброс значений, приписываемых мотиву, рассмотрен в историографическом очерке И.В. Силантьева «Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике» и в новой его работе «Поэтика мотива» [Силантьев 1999; Силантьев 2004]. Причем в предисловии к обоим своим трудам автор сообщает, что он имеет в виду прежде всего категорию *повествовательного мотива*, под которой понимается «традиционный, повторяющийся элемент фольклорного и литературного повествования» [Силантьев 1999, с. 4], а все другие типы мотивов (в песенных жанрах, паремиологических текстах, мифологических поверьях и т. п.) остаются за пределами этого исследования. Рассмотрев ход длительных дискуссий о природе «повествовательного» мотива, понимаемого разными учеными то как «тема неразложимой части повествования», то как «повторяющийся устойчивый элемент», то как «функция действующего лица», то как «элементарный отрезок сюжета, обладающий качеством внутренней завершенности» и т. п., И.В. Силантьев признает, что

принципиально новым шагом в изучении этого понятия явилась структурно-семантическая модель описания волшебных сказок, разработанная в трудах Е.М. Мелетинского и С.Ю. Неклюдова. Еще в своих ранних работах (конца 60-х гг.) эти авторы совместно со своими единомышленниками описали процедуру структурно-семантического анализа сказочных сюжетов и наметили перспективу изучения мотива с новых позиций: «Дальнейший шаг должен состоять в возвращении к изучению мотивов, но уже с позиций, достигнутых с помощью структурного анализа, памятуя о том, что распределение мотивов в сюжете структурно и происходит практически по приведенной выше формуле синтагматической последовательности. Но если сама эта формула представляет собой механизм для синтеза сказок, то мотив – это кардинальная единица анализа» [Мелетинский и др. 2001, с. 33].

Развивая дальше теорию структурно-семантической модели, С.Ю. Неклюдов убедительно показывает, что мотив, во-первых, не должен определяться как элементарная и односоставная единица, а во-вторых, его предикативное начало не является единственным критерием определения этого понятия. Все нефабульные детали сюжета – персонажи, реалии, атрибуты, компоненты модели мира, непосредственно связанные с сюжетным движением, – как бы несут его заряд. Эти устойчивые семантические конструкции (объектно-атрибутивные, локально-объектные, локально-атрибутивные и проч.) обычно именуются «мотивами» [Неклюдов 1984, с. 22]

Именно такая трактовка мотива, как мне кажется, раскрывает возможности применения этого термина к семантически цельным, устойчивым, повторяющимся в разных вариантах единицам разнотипных (не только повествовательных) фольклорных текстов, что и было показано в другой, очень ценной и часто цитируемой в научной литературе статье юбиляра «Мотив и текст». «Чем проще и короче сюжет, – пишет автор, – тем сильнее сокращается дистанция между ним и мотивом. <...> в некоторых случаях (скажем, когда мы имеем дело с «малыми формами» фольклора, прежде всего паремииологическими) подобное различие вообще становится нерелевантным» [Неклюдов 2004, с. 237]. Далее автор рассматривает проблему соотношения мотива и сюжета на материале быличек и заговоров, после чего делает вывод о том, что мотив может рассматриваться не только как составная часть сюжета, но и как его эмбриональная форма, т. е. имеется в виду способность мотива разворачиваться в сюжет либо, напротив, способность сюжета сворачиваться до объема мотива [Неклюдов 2004, с. 237].

В этом исследовании С.Ю. Неклюдов очень своевременно затронул целый ряд до сих пор не решенных и мало отрефлекси-

ванных в научной литературе проблем, касающихся, в частности, вычленения мотива из текстовой канвы, что было и остается чрезвычайно важно при составлении указателей фольклорных сюжетов и мотивов. Например, какова процедура выявления инвариантной семантической реконструкции мотива; каким образом из текста извлекается информация, необходимая для составления формулировки конкретного мотива; какая часть реального «текстового» материала при этом используется, и др. Чаще всего исследователи действуют в подобных случаях интуитивно. «Однако пока мы не поймем, каким образом производятся эти столь привычные для нас операции, мы не продвинемся к постижению структуры мотива и его соотношения с реальным текстом» [Неклюдов 2004, с. 245].

В порядке продолжения дискуссии о категории мотива в традиционной словесности мне хотелось бы задать автору следующий вопрос: принято считать, что никакой презентации того или иного мотива не существует, кроме его метаязыкового описания [Неклюдов 2004, с. 244]. А как быть с теми случаями, когда мотив формулируется прямой цитатой из аутентичного текста, например, былички о водяном с мотивом «Время пришло, а человека нет!»; варианты новогодних поверий на мотив «Как встретишь Новый год, так его и проведешь»; картографирование южнорусских поверий с мотивом «на Купалу солнце играет»?

Может быть, пора «узаконить» использование (ставшее таким привычным и массовым в фольклористике и литературоведении) термина *мотив* по отношению к основной теме произведения (или к художественному образу, к устойчивому фразеологическому клише, к народному поверью)? Ср. подобные примеры в названиях статей: «Функция мотива запрета в быличках», «Мотив змеи в заговорах», «Мотив золотой ряски в колядках» и т. п. Пытаясь установить связь между севернорусскими поверьями о колдунах и способами их номинации, автор очень интересной этнолингвистической статьи под названием «Отражение сюжетных мотивов в номинации колдуна» вынужден постоянно пользоваться термином «сюжетный мотив» по отношению к народным поверьям, которые находят отражение (вербализуются) в лексемах со значением ‘колдун’; ср.: «К числу мотивов, распространенных на территории Пермского края, относится представление (разряда. – Л. В.) о том, что *чужие* обладают сакральным знанием»; «мотив связи колдуна с нечистой силой отражается в таких его названиях, как *бесистый*, *чертистый*, *чертознай*»; [в названиях знахарей отражается] «мотив использования сакрального текста в качестве магического средства: *заговоруха*, *шепту*» [Гранова 2016, с. 164–172].

Один из принципиально важных тезисов, сформулированных С.Ю. Неклюдовым (который меня очень порадовал), сводится к заключению о том, что проще всего признать значительную часть перечисленных словоупотреблений термина *мотив* ошибочной, однако такое широкое словоупотребление подсказано самой природой вещей [Неклюдов 1984, с. 223], т. е. самой сутью понятия «мотив» как главного семантического потенциала создания текста. Так или иначе, но в понимании этого термина отмечаются разные оттенки значений в зависимости от разных фольклорных жанров: в развернутых нарративах или лирических песнях, в быличках или заговорах, в загадках или формулах проклятий и т. п. Разное понимание мотива, например, наблюдается, с одной стороны, в народных сонниках, а с другой – в сопоставимых с ними по содержанию, но разных по форме традиционных рассказах о сновидениях (см. [Лазарева 2020, с. 2–5]).

Вся эта затянувшаяся вступительная часть моей «поздравительной» статьи была написана ради того, чтобы послать в адрес глубоко уважаемого мною, талантливого исследователя и замечательного человека, Сергея Юрьевича Неклюдова, несколько типичных славянских благопожеланий с м о т и в а м и счастливо-долголетия, творческих удач и простых житейских радостей:

- укр. «Дай вам, боже, в щасливу годину зачати (новое научное исследование. – Л. В.), а ще в ліпшу кінчити, в щастю і здоров'ю много літ прожити!» ([Агапкина, Виноградова 1994, с. 192–199]);
- белор. «Няхай вам бог дасць якнайдаўжэй пажыць!» [Агапкина, Виноградова 1994, с. 194];
- укр. «Хай зузуля тобі вік довгий кує!» [Агапкина, Виноградова 1994, с. 199];
- белор. «Будзь здароў, як дуб, моцны, як зуб!» [Агапкина, Виноградова 1994, с. 194];
- серб. “Da bi bili zdravi in veseli, friški kakor riba v vodi, moćni kakor medved v gori” [Агапкина, Виноградова 1994, с. 199];
- укр. «Щоб ви були здорові, як вода, багаті, як земля, робочі, як бджола, а красиві, як весна!» [Агапкина, Виноградова 1994, с. 199].

Литература

- Агапкина, Виноградова 1994 – Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Вера. Текст. Ритуал / Отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1994. С. 168–208.

- Гранова 2016 – *Гранова М.А.* Отражение сюжетных мотивов в номинации колдуна: на материале мифологических рассказов Пермского края // *Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования – 2016* / Отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: Нестор–История, 2016. С. 164–172.
- Лазарева 2020 – *Лазарева А.А.* В поисках формулы неуловимого: Как систематизировать рассказы о снах? // *Живая старина*. 2020. № 4. С. 2–5.
- Мелетинский и др. 2001 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // *Структура волшебной сказки* / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. С. 11–121.
- Неклюдов 1984 – *Неклюдов С.Ю.* О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // *Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов* / Под ред. Б.Н. Путилова. Л.: Наука, 1984. С. 221–229.
- Неклюдов 2004 – *Неклюдов С.Ю.* Мотив и текст // *Язык культуры: Семантика и прагматика: К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого* / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
- Силантьев 1999 – *Силантьев И.В.* Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: Очерк историографии. Новосибирск: ИДМИ, 1999. 104 с.
- Силантьев 2004 – *Силантьев И.В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 295 с.

References

- Agapkina, T.A. and Vinogradova, L.N. (1994), “Well-wishes. Ritual and text”, in Tolstoy, N.I. (ed.), *Slavyanskii i balkanskii fol'klor: Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan Folklore: Beliefs. Text. Ritual], Nauka, Moscow, Russia, pp. 168–208.
- Granova, M.A. (2016), “Reflection of plot motives in the nomination of sorcerer. Based on the mythological stories of the Perm Territory”, in Myznikov, S.A. (ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya – 2016* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and research – 2016], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia, pp. 164–172.
- Lazareva, A.A. (2020), “In search of the elusive formula. How to organize dream stories?”, *Living antiquity*, vol. 4, pp. 2–5.
- Meletinskii, E.M., Neklyudov, S.Yu., Novik, E.S. and Segal, D.M. (2001), “Problems of the structural description of a fairy tale”, in Neklyudov, S.Yu. (ed.), *Struktura volshebnoi skazki* [Structure of a fairy tale], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 11–121.

- Neklyudov, S.Yu. (1984), "On some aspects of the study of folklore motives", in Putilov, B.N. (ed.), *Fol'klor i etnografiya. U etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [Folklore and ethnography. At the ethnographic origins of folklore plots and images], Nauka, Leningrad, Russia, pp. 221–229.
- Neklyudov, S.Yu. (2004), "Motive and text", in Tolstaya, S.M. (ed.), *Yazyk kul'tury: Semantika i pragmatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Language of culture. Semantics and pragmatics. For 80th birthday of academician Nikita Ilyich Tolstoy], Indrik, Moscow, Russia, pp. 236–247.
- Silant'ev, I.V. (1999), *Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike. Oчерk istoriografii* [Motive theory in Russian literary criticism and folklore studies. Essay on historiography], IDMI, Novosibirsk, Russia.
- Silant'ev, I.V. (2004), *Poetika motiva* [The poetics of motive], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

Елена Е. Левкиевская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, elena_levka@mail.ru*

Вопросов, которые хотелось бы задать Сергею Юрьевичу, достаточно много, и они касаются самых разных сторон существования современной фольклористики и сопредельных с ней дисциплин, занимающихся традицией и повседневной, «наивной» картиной мира. Нуждаются в обсуждении как сугубо научные аспекты, связанные с развитием методологии и терминологии, так и более общие проблемы бытия современного гуманитарного сообщества (в дееспособности которого у меня в последнее время появляется все больше сомнений). Однако жанр вопросов к юбиляру, предложенный редакцией журнала, очевидно, предполагает не только сами вопросы, но и некоторые (хотя бы краткие) размышления о них самого вопрошающего. Поскольку круг злободневных вопросов, нуждающихся в обсуждении, тянет на обширное эссе, не предусмотренное форматом журнала, я бы хотела остановиться на одном из наиболее насущных, связанном с целеполаганием самой фольклористики и ее осмыслением границ собственного объекта исследования, выбора методологического аппарата и вектора будущего развития.

Меня как филолога (в старом, классическом смысле этого слова, включающем все разновидности «науки о слове») и линг-